

СТИХИ

I

* * *

Утро. Трава в росе.
Падаю на траву.
Разве не так, как все,
я на земле живу?

Видимо, да, - не так.
Но всё равно, пускай.
Вот - под рукой – овраг, -
может быть, жизни край.

Может, уже пора
в эту шагнуть дыру...
Лучше всего - с утра, -
утро, а я умру.

Я поднимаюсь, - нет:
держит меня трава,
стебли бегут на свет,
листьев блестит броня.

Нежно коснулся губ
лёгонький Иван-Чай...
Корни уходят в глубь.
Отдвигают край.

Правде смотрю в глаза –
море живых цветов.
Солнце. Трава. Роса.
В каждой росинке – кровь.

* * *

Нищета одиночного камня
В одичалой болотной глуши...
И вода без движенья – веками,
и останешься, как не кружи.

Одинаково – слева и справа,
И вперёд – неизвестно, куда.
Пережёваны временем травы,
всё отстаивается вода,

и не может она отстояться -
неживая, но жидкая муть...
И не хочется здесь оставаться,
и не хочется трогаться в путь.

Но когда пересохнет и эта
Местность, столь надоевшая мне, -

Ну в какую же сторону света
я пойду, и в какой стороне

я увижу похожее что-то?
Эта пустошь на свете – одна...
Жарко. Пересыхает болото.
Подымаются камни со дна.

* * *

Сергею Щербакову

В окно посмотрю – снега
белеют в морозной мгле.
В окно посмотрю – пурга
нисходит с небес к земле.
И богохранимый край –
студёный, но всё же рай.

Разъяснилось небо вдруг.
Вселенная тихо спит.
Лишь сердца сильнее стук,
лишь проволока гудит,
да ловит пёська Малыш
во сне полевую мышь.

Сегодня настанет день
и солнечный вспыхнет свет, -
ледащих деревьев тень
потянется нам вослед,
и белым огнём сверкнёт
речной непорочный лёд.

* * *

От ранней до поздней звезды
сумею почувствовать вечность,
и ночь – до рассветной черты –
как глину, успеет обжечь нас.

И чувства свои сбережём,
и им никогда не изменим,
крещёные общим огнём,
сожжённые общим крещеньем...

* * *

О жизни что могу сказать своей? –
что состоит она из репетиций,
ведь на лице написано: плебей,
а скорчу рожу – истинный патриций!

О, сколько было смеха, сколько слёз,
И мёда сколько выпито, и яда!
 Вся жизнь – игра,
И только смерть – всерьёз, –
Её и репетировать не надо.

* * *

Всё залепило снегом белым,
и ночь, и не видать ни зги,
и надо заниматься делом,
и хочется завывать с тоски,
ведь не развязаны же руки,
ведь не развязан же язык!
Искусства наши и науки
запрещены – держись, старик!
И сколько книг в бессрочной ссылке,
в книгохранилищах, во тьме?
Глаза мои не на затылке,
и жаль, что я в своём уме.
И петербургская погода,
как никогда, нехороша...
И уж какая там свобода,
и уж какая там душа!
А я никак не забываю
и не желаю позабыть,
как нас вела сюда кривая,
сто раз разорванная нить!
Воспетый Пушкиным и Белым
и Блоком – город на Неве...
И Он не смог остаться целым...
Иду под ветром, русский Пелам,
иду – и ветер в голове!

* * *

Присутствие энтузиаста обдаёт
меня крещенским холодом.
«Герой нашего времени»

Крещенский холод – потому,
что все вокруг энтузиасты.
Глаза горят, сгущая тьму,
и небеса всю ночь глазасты.

И я на улице – один,
и ощущаю – потепленье,
и россыпь подающих льдин.
И где небесные мишени?

Лишь волокнистых туч полёт
над головой, над полем нищим,
и времени обратный ход
над всероссийским пепелищем.

Здесь я один, никто меня
не обдаёт энтузиазмом,
и жар душевного огня,
который копоти не даст нам.

А ночь крещенская пройдёт,
прошла, туда ей и дорога! –
И таять продолжает лёд,
и белый голубь воду пьёт
из лужицы – и ради Бога.

* * *

И этот стыд глаза не ест.
Парад Планет, парад невест –
что нам Чума во время Пира?
Звучи, пока не надоест,
звучи, пока не поздно, лира!

Как непривычен чистый звук –
от родовых до смертных мук
и мы прошли, а что слышали?
Пусть говорят, что замкнут круг.
Пусть говорят, а мы – в начале.

Таинственная круговерть...
Что значит – Жизнь, что значит – Смерть?
Ну что за невидаль такая?
Перепополняют звёзды твердь,
недаром вся земля пустая.

Земля пуста, душа бедна?
Но это видимость одна.
Столы накрыты, и открыты
пути для тех, кто пил до дна.
Пьяней вина, сойдём с орбиты!

Красавиц наших звёздный час –
сиянье плеч, и губ, и глаз,
и меркнет жалкий свет небесный,
и разве кто осудит нас –
играющих с огнём над бездной?

* * *

Одной ногой стоит в могиле
он, одноногий инвалид,
но белые трепещут крылья,
и ввысь бессмертный дух летит.

И ни могилы, ни погоста
уже не видно на земле,
лишь ослепительные звёзды
проносятся в безмерной мгле.

И кристаллические сферы
игрушкой кажутся теперь –
ни Бога нет, ни Люцифера,
а только – обретенье Веры
на круговом пути потерь.

* * *

Под небом некому беречь нас,
нас некому терзать в Аду.
Для нас не существует Вечность,
объемлющая пустоту.

И наших душ дрожат мимозы
и увядают на глазах –
и это ли метаморфозы,
когда растёт над прахом прах?

Одна-единственная вспышка
над пустотой небытия –
сгорит звездой и эта книжка,
как и душа, и жизнь твоя.

И полное исчезновение
всего, чем ты сейчас богат –
единственное утешенье,
единственное в мире, брат!

* * *

Людей обманывать не стоит,
себя не стоит самого.
А впрочем, ложь не беспокоит
на белом свете никого.

Лишь правда всех опять тревожит,
лишь правда застаёт врасплох.
Но этот лживый мир, быть может,
не столь уж лжив, не столь уж плох...

* * *

Где-то рог трубит охотничий
у охотничьей тропы...
Хорошо, но ты не модничай,
понапрасну не труби.

Кабаны и лоси – пусть уже
мирно бродят по лесам,
по болоту и по пустоши...
Просто верь своим глазам.

Не летит душа на пир моя, -
на столе вода и хлеб,
потому что дело – мирное,
потому что я не слеп.

Безоружен ... и когда же вы
перестанете, друзья,
хоронить поэта заживо,
оскорбляя и дразня?

Всё равно, друзья, я выстою,
не позволю портить вкус.
Обойдусь опять без выстрела,
точным словом обойдусь.

* * *

Красно-серые люди
не скрывают обид,
снова их словоблудье
всё звучит и звучит.

Мне-то что! Но простите,
я ведь жил среди них –
на пороге открытий
напрягался мой стих.

Был я тих? – не скажите,
лишь на стенку не лез.
Не хотелось мне жить, и
уповал на прогресс.

И от жизни не ждал я
вообще ничего –
упивалось моралью
большинство, большинство...

Было странно о чуде
и словцо произнести...
Красно-серые люди,
что вам надобно здесь?

* * *

Время пришло ль? – не ведаю:
вот непонятлив стал.
Мало, наверно, света, и
я среди мрака – мал.

Время пришло ль? – не чувствую
времени нет вообще.
Вот, погружён в искусство, и
кажется, что вотще.

Время пришло ль – пришло оно,
вот оно – на виду –
так отчего ж, взволнованно,
но – стороной иду?

* * *

Сколько ни ем – не толстею,
даже – совсем похудал.
Если б ещё за идею
я убеждённо страдал.

Если бы сох от любви я!
Но ведь и этого нет.
Только глаза – как живые –
пристально смотрят на свет.

Я не страдаю нимало,
но я спадаю с лица.
Не начинаю с начала,
не дожидаясь конца.

Я не живу совершенно,
я вообще не живу.
Море – не мне по колено,
не никуда не плыву.

Незачем ехать в город
и городить огород.
Незачем чувствовать голод.
Песня? – а песня не в счёт.

* * *

«Так, занимаясь пустяками...»

Г. Иванов

Я занимаюсь пустяками –
и без малейшего труда.
Я иногда мирюсь с врагами,
с друзьями ссорюсь иногда.

Зато я редко мру от скуки,
в избушке сидя взаперти.
И до стихов доходят руки,
хотя могли бы не дойти.

* * *

Ничего мне не надо,
вообще ничего –
лишь открытого взгляда
я ищу твоего.

Лишь к тебе я всецело,
постоянно тянусь.
Не имеет предела
эта радость и грусть!

И не вижу исхода,
и зачем я такой?
Ну, на что мне свобода,
ну, на что мне покой.

Без тебя – ну на что мне
и поэзии – яд!
В мире только и помню
твой внимательный взгляд.
Только чувства безбрежность,
и мне ясно до слёз,
что в глазах твоих нежность,
и печаль и вопрос...

* * *

Смерть-старуха в моё окно
заглянула из-под руки.
Впрочем, в комнате так темно,
что и ей не видать ни зги.

И спокойно идут на дно
светляки мои, светляки.
Ничего же не решено,
если может – помоги.

И какие у нас дела
впереди - я не знаю сам.
Хоть давно уж сгорел дотла,
но тянусь я к твоим глазам

ибо светятся в темноте
и сияют – не знаю где.

II

* * *

Ночная глубина Эреба,
ты, если можешь, подожди.
Мне купола Борисоглеба
ещё сияют впереди.

Высоких трав немое пенье
и предосенний свет небес...
Грядёт моё исчезновенье –
но я давным-давно исчез.

Я растворился в этих чашах,
в просторах, навсегда родных...
Я слов не слышу настоящих,
поскольку пребываю в них!

И глубина небес ночная
погружена в глубины глаз.
Сильнее смерти жизнь земная,
и жизни дольше звёздный час.

* * *

*Но я человек, мне
бессмертья не надо,
страшна неземная судьба.*

Тарковский.

Пускай по вере мне моей воздастся,
пускай по мере мне моей отмерят.
От самого себя – куда податься?
Зачем бояться? – да, блажен, кто верит.

Но что бессмертье мне на этом свете?
Уже устал от жизни преходящей,
и тяжелы душе мгновенья эти,
и думаю о смерти я всё чаще.

Однако дотянуть до крайней точки
смогу – она уже на горизонте...
И ежели родился я в сорочке –
так вы её, пожалуйста, не троньте.

Я в ней одной – в сырую землю лягу,
я вместе с ней истлею и исчезну.
А душу положил на ту бумагу,
которую теперь бросаю в бездну.

* * *

Я не последний пересмешник,
не самый первый – но певец,
и не такой уж страшный грешник.
И уж, конечно, не мудрец.

Но я не в силах слышать ныне
моральный вздор из уст глупца,
а обвинения в гордыне
из уст другого гордеца!

* * *

Девятнадцатое августа.
Яблоневый Спас...
Но смотрю вокруг не благостно, -
и не прячу глаз.

Я смотрю вокруг с волнением –
мучаясь, любя:
не с моим, наверно, гением
удержать тебя.

Не с моим, наверно, рвением
вырваться отсель.
Не с моим, наверно, зрением
видеть в жизни цель.

Ну, а всё же, если надо, я
кинусь наугад...
Как на землю с веток падая,
яблоки стучат!

Может, ты – вот будет радость-то!
Постучишь сейчас?

...Девятнадцатое августа.
Яблоневый Спас.

* * *

Друзьям моим праведным
(вариант)

*Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.
Лермонтов.*

Ваши речи о Боге и Вере –
сколько можно! О, чтоб я оглох!

Из каких, извините, материй
состоит ваш игрушечный бог?

Я молиться ему не намерен,
я его и не знаю, увы.
Пусть для Вечности весь я потерян,
ну а вы-то, а вы-то, а вы –

Как боитесь вы Жизни и Смерти!
Как хотите проснуться в Раю!
Вы уверены – тянутся черти
вслед за мною, по душу мою.

Ах, как страшно....А, впрочем, безвкусно
возражать, я ведь знаю давно:
спорить с вами и скучно и грустно,
ибо слышать ваш лепет смешно.

И пускай вы, родные, у цели,
и пускай не бывать вам в аду, -
вы мне так на земле надоели,
что я в Рай из-за вас не пойду.

* * *

Там небеса во славе звёздной –
но я хочу - в неизвестной мгле –
отдать тепло моей морозной,
моей заснеженной земле.

О чём мы спорим? Каждой тяжбы
я вижу горестный финал.
Мир от меня сбежал однажды...
Но я поймал его. Поймал.

* * *

Я точно не умру от легкомыслия:
земная жизнь груба и тяжела.
Пускай моя не выполнена миссия –
познать добро путём познания зла, -
пускай мои слова наилегчайшие
под тяжестью своей изнемогли –
суди меня, казни меня, но знай, что я
шёл к небу роковым путём земли.

* * *

1

Меня жуют, меня страшат Богом,
хотят меня насильно окрестить...
Что я отвечу этим демагогам?
Я ничего не буду говорить.

2

Они ничуть не склонны к диалогам
и мне забавна их лихая прыть.
Владеют все – одним высоким слогом,
но разве мне позволят рот раскрыть?

3

Они себя лишь за людей считают.
Они так гордо по земле ступают,
Как будто Небо им принадлежит.

4

А я стою – один на целом свете –
за всех глупцов, за всех святош в ответе.
Но не могу! Душа моя молчит.